

самых данных по этому вопросу, находящихся в настоящее время в нашем распоряжении.

Другой спорный момент — отрицание монголоидной примеси у древнего населения Восточной Европы. Г. П. Зиневич абсолютно права, делая такой вывод по отношению к рассмотренным ею сериям с территории Украины, но, по-видимому, переоценивает возможность этого материала, экстраполируя итоги его анализа на территорию всей Восточной Европы в целом. Сопоставление средних по назомаллярному углу горизонтальной профилировки, на котором она основывается при этой экстраполяции, производилось неоднократно. Однако, если опираться только на него, то за пределами рассмотрения остаются другие важные для обсуждаемой темы моменты — характер межгрупповой корреляции признаков, закономерности их географического распространения и т. д. Отмечу также, что Г. П. Зиневич, выделяя типы внутри исследованных групп, пользуется данными только черепной морфологии и почти не использует статистических приемов выделения элементов в смешанных популяциях — коэффициентов корреляции, полигонов изменчивости, оценок вариабельности признаков и т. д. Есть в книге и недостатки оформления — разная нумерация краниометрических и остеометрических таблиц, выделение в фототаблицах специальным шрифтом заголовка части, посвященной неолитическим черепам, в результате чего он превратился в общий заголовок всего фотоальбома, некоторое количество цифровых ошибок.

Перечисленные недостатки представляются малозначительными по сравнению с той существенной информацией, которую вносит рецензируемая книга в наши знания об истории антропологических типов Украины и Восточной Европы в целом. К сожалению, как и все предшествующие ей украинские антропологические издания, она вышла ничтожным тиражом в 900 экземпляров.

**В. П. Алексеев**

**Б. А. Калоев. *Осетины (историко-этнографическое исследование)*. М., 1967, 242 стр., иллюстрации.**

Крупнейший русский историк В. О. Ключевский видел тайну исторического процесса не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, а в тех многообразных и изменчивых «счастливых или неудачных сочетаниях» внешних и внутренних условий развития, какие складываются для того или иного народа на более или менее продолжительное время.

Если подойти с этой точки зрения к осетинскому народу, в прошлом испытывавшему сложные исторические перепетия, то, несмотря на малочисленность осетин, их история представляет собой в кавказоведении один из наиболее интересных объектов научного исследования. Этим, пожалуй, объясняется большое внимание, которое вот уже почти два столетия ученые проявляют к осетинам.

В настоящее время можно без преувеличения сказать, что осетины в значительно большей степени, чем другие горцы, изучены историками, лингвистами и этнографами. Современное осетиноведение переживает, по-видимому, тот этап развития, когда наряду с изучением отдельных еще нерешенных проблем осуществляется создание обобщающих исследований, подводящих не только итог накопленным знаниям, но и значительно их расширяющих.

Именно в этом плане надо рассматривать опубликованную издательством «Наука» монографию Б. А. Калоева «Осетины».

Книга Б. А. Калоева является по существу итогом историко-этнографического исследования осетин, проводимого дореволюционными и советскими кавказоведами. Заметим, что среди разнообразной литературы, посвященной Осетии, одно из ведущих мест занимает этнографическая. Однако в ней до сих пор преобладали исследования частных вопросов, либо небольшие обзоры и не было сводной работы, написанной на основе комплексного изучения всей довольно своеобразной и подчас сложной структуры общественной жизни осетин. Исследование Б. А. Калоева восполняет этот значительный пробел и является первой обобщающей работой по этнографии Осетии.

Но не только это отличает монографию Б. А. Калоева от всех других этнографических исследований по Осетии. Ее достоинство состоит также в том, что, в отличие от работ дореволюционных, а отчасти и советских этнографов, освещающих главным образом горную Осетию, в ней большое внимание уделено равнинной Осетии, где с 30-х годов XIX в. проживает основная масса осетинского населения.

Автор исследования Б. А. Калоев в течение более десяти лет объездил в составе различных экспедиций весь Северный Кавказ, Южную Осетию и Грузию, побывал почти во всех селах Северной Осетии. В результате собран большой и весьма интересный полевой материал, который лег в основу источниковедческой базы исследования. Кроме того, автором изучена обширная специальная литература, множество архивных источников, что позволило глубже осветить ряд по-новому поставленных проблем истории и этнографии Осетии.

Три основные проблемы определяют в сущности содержание и структуру книги Б. А. Калоева:

- а) этногенез осетинского народа;
- б) формирование осетинской народности;
- в) эволюция экономической, общественной и духовной жизни осетин.

В осетинской историографии вопрос о происхождении осетин — один из самых давних и далеко еще не решенных. Им занимались историки, лингвисты, археологи, в том числе и такие выдающиеся исследователи, как В. Ф. Миллер<sup>1</sup>, В. И. Абаев<sup>2</sup>, Е. И. Крупнов<sup>3</sup> и др. Но к решению проблемы этногенеза осетин, пожалуй, широко не привлекался еще этнографический материал, значение которого трудно переоценить.

Большая заслуга Б. А. Калоева состоит в том, что он первый из этнографов пытается рассмотреть материальную и духовную культуру осетин в преемственной связи с культурой древнего населения Северного Кавказа. Приведенный этнографический материал, а также его личные наблюдения, относящиеся к этногенетическим связям осетин, являются важными для дальнейшего исследования вопроса о происхождении осетинского народа. Правда, ценность этнографических данных Б. А. Калоева была бы значительно большей, если бы они приводились с учетом того, что в настоящее время в исторической науке существуют две концепции (В. И. Абаев и Е. И. Крупнов) по проблеме этногенеза осетин, которые расходятся по некоторым важным моментам. В этой связи следует сказать и о том, что в разделе «О происхождении осетин» Б. А. Калоев, часто ссылаясь на работы, касающиеся этой проблемы, не раскрывает принципиальных различий во взглядах историков на этногенетические связи осетин. В указанном разделе, не свободном от определенного эклектизма, Б. А. Калоев не изложил четко и свои взгляды по вопросу происхождения осетин. Этот недостаток, по-видимому, объясняется тем, что проблемы этногенеза относятся не только к числу самых интересных, но и самых сложных в этнографии.

Весьма оригинальной является первая глава монографии, в которой рассматриваются вопросы формирования осетинской народности. Она содержит богатый, а иногда уникальный исторический и этнографический материал, показывающий процессы миграции и интеграции населения Осетии в различные периоды ее истории. Автор справедливо считает, что в средние века, хотя эти районы были заселены и ранее, основное население горных районов Осетии составляли аланы, оттесненные сюда татаро-монголами.

Особый интерес представляют содержащиеся в книге Б. А. Калоева факты, связанные с этническим развитием осетинского народа. В литературе до сих пор нет исследований историков, лингвистов, этнографов, в которых были бы рассмотрены вопросы формирования осетинской народности. Между тем, без решения этой проблемы вряд ли возможно подлинно научное освещение истории Осетии периода феодализма. Поэтому с особым удовлетворением следует отметить, что Б. А. Калоев — первый, кто пытается устранить этот существенный пробел в изучении прошлого Осетии. Однако пока приходится говорить лишь о первых опытах, гипотезах, о значительном фактическом материале, накопленном Б. А. Калоевым, но не об окончательном решении этой сложной проблемы.

В трактовке вопроса формирования осетинской народности есть некоторые недостатки. Прежде всего было бы крайне желательно, чтобы Б. А. Калоев наметил основные этапы формирования осетинской народности. Задача эта сама по себе трудная, но автор располагает достаточным материалом, чтобы успешно ее решить. Так, судя по приведенным им данным, нам представляется, что осетинская народность складывалась еще в аланском раннефеодальном государственном образовании. Этот процесс был прерван татаро-монгольским нашествием и лишь начиная с XIV в. продолжен в новых исторических и географических условиях. Поскольку народность, приходящая на смену роду и племени, является исторической категорией феодализма, то, по-видимому, формирование осетинской народности завершается после присоединения Осетии к России, когда феодальные отношения получили свое дальнейшее развитие и окончательно определилась этническая территория осетин.

Кроме того, в главе, посвященной этническому развитию осетинского народа Б. А. Калоев освещает Алагирское общество таким образом, что невольно создается впечатление, будто оно являлось ядром, сыгравшим большую роль в формировании осетинской народности и, в частности, в сложении других осетинских обществ. Но это положение выглядит по меньшей мере недостаточно аргументированным, а если учесть, что Алагирское общество по сравнению с Тагаурским и Дигорским переживало более примитивные формы феодализма, то даже необоснованным.

<sup>1</sup> В. Миллер, Осетинские этюды, ч. 1—3, М., 1881—1887.

<sup>2</sup> В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.

<sup>3</sup> Е. И. Крупнов, Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953.

Кстати, касаясь формирования осетинских обществ и миграции населения, Б. А. Калоев подчеркивает, что в Алагирском обществе «в отличие от Дигорского общества... нет пришлых фамилий» (стр. 38). «Здесь нет ни одной фамилии,— повторяет эту же мысль автор на стр. 39,— предки которых считались бы выходцами из других мест Осетии». Но подобное утверждение также вызывает сомнение, так как причины миграции — малоземелье, кровная месть и т. д., на которые справедливо указывает Б. А. Калоев, по существу в одинаковой мере имели место во всех районах Осетии, в том числе в Алагирском обществе.

Эти и ряд других неточностей, встречающиеся и в последующих разделах книги, объясняются тем, что иногда автор, пользуясь устными преданиями, легендами, не сопоставляет их данные с письменными и другими источниками, не проверяет их достоверность, а главное, не учитывает, что в различных преданиях и исторических легендах о прошлом Осетии нашли отражение представления не только народных масс, но и осетинских феодалов, которые в интерпретации истории осетин, в объяснении происхождения отдельных родов, фамилий и т. д. часто руководствовались своими интересами.

Ведущей темой монографии Б. А. Калоева является проблема эволюции экономической, общественной и духовной жизни осетин. Ей посвящены II, III, IV и V главы, т. е. основная и, на наш взгляд, наиболее удачная часть книги. Здесь автор выступает как скрупулезный, внимательный исследователь, хорошо знающий не только структуру экономической и общественной жизни Осетии, но и все тонкости осетинского быта, нравов и традиций.

Во второй главе, в частности, дается подробное описание хозяйственных процессов, характерных для Осетии в области земледелия и скотоводства. На значительном материале автор показывает соотношение различных отраслей хозяйства в экономике Осетии, а также те изменения, которые происходили в хозяйственной деятельности осетин в различные периоды. При этом Б. А. Калоев особое внимание обращает на переходные этапы, так как они наиболее полно раскрывают все перемены, в разное время происходившие в экономической жизни Осетии.

Большой интерес вызывает прослеженная автором общность хозяйственных занятий осетин, ингушей, кабардинцев и балкарцев, а также его вывод о том, что производственные навыки и приемы, сформировавшиеся у этих народов в результате совместных усилий в течение веков, ни в коем случае не могут быть приписаны какому-то одному народу. Кроме того, следует отметить, что Б. А. Калоев впервые тщательно исследует домашние промыслы и ремесла, определяет их место и роль в хозяйстве Осетии.

Свое тщательное этнографическое описание домашних промыслов и ремесленного производства Б. А. Калоев сопровождает исследованием проблемы эволюции этих отраслей хозяйственной деятельности в условиях проникновения капиталистических отношений. Он приходит к выводу, что во второй половине XIX в., когда в Осетии появились первые промышленные предприятия капиталистического типа, наиболее распространенным видом промысла был извоз (чыра). В дальнейшем, с развитием промышленных центров на Кавказе (Баку, Грозный, Тбилиси) в Осетии отходничество достигает сравнительно больших размеров. Но рост отходничества был связан главным образом с разложением осетинской деревни, происходившим под влиянием русского капитализма. Поэтому в конце XIX в. осетинские большими группами отправлялись в довольно отдаленные районы, например, в Сибирь на золотые прииски, а несколько позже и в другие страны — в Канаду, Америку.

Материалы Б. А. Калоева о развитии ремесел и промыслов в Осетии весьма интересны и оригинальны, но, на наш взгляд, автор недостаточно широко осветил роль русской экономики в изменении хозяйственных занятий осетинского крестьянства. Не сделана также попытка определить степень распространения капиталистических отношений в Осетии во второй половине XIX в.

Не может не обратить на себя внимания и раздел книги, характеризующий пути сообщения и средства передвижения. В литературе по Осетии нет специальных работ, посвященных этому вопросу. В этом отношении исследование Б. А. Калоева восполняет значительный пробел.

Подробно, как и хозяйство, в следующей, III главе, исследуется материальная культура: поселения, жилища, пища и одежда осетин, причем автор часто возвращает нас к проблемам этногенеза и этногенетическим связям осетин. И это справедливо, так как материальная культура наиболее достоверно и полно отражает этническое развитие народа.

В целом выводы Б. А. Калоева по вопросу о преемственности и эволюции материальной культуры осетин кажутся убедительными. Но и здесь, на наш взгляд, встречаются некоторые довольно существенные неточности. Так, описывая боевые башни горной Осетии и определяя время их постройки, Б. А. Калоев замечает: «Несомненно, что их значительная часть была возведена еще в аланскую эпоху» (стр. 132). Но наличие у большинства боевых башен бойниц, приспособленных к огнестрельному оружию, не позволяет делать такой вывод и заставляет думать о том, что эти башни более позднего происхождения.

В этой главе нет, к сожалению, характеристики осетинской склеповой архитектуры. Между тем ее анализ помог бы автору дать более полное представление как о строительной технике осетин, так, особенно, о связях материальной культуры Осетии позднего средневековья с культурой Алании.

Важным в монографии является раздел «Общественные и семейные отношения» (глава IV), в котором Б. А. Калоев рассматривает общественный строй Осетии, его эволюцию, исследует различные стороны общественного быта осетин. Здесь же дана подробная характеристика развития осетинской семьи и ее обрядов. Автор внимательно проследживает те глубокие изменения, какие претерпевает на протяжении довольно длительного периода старая осетинская семья с ее многочисленными пережитками патриархально-родового быта. Эти изменения коснулись не только внутреннего строя семьи, ее форм, но и семейно-брачных отношений, семейной обрядности.

Заканчивается монография Б. А. Калоева обстоятельным очерком развития просвещения и культуры. Он рассказывает о становлении осетинской письменности, характеризует народное творчество, литературу и искусство, успехи в здравоохранении и науке.

Во всех разделах книги особое внимание уделено развитию осетин в годы Советской власти. При этом следует подчеркнуть, что Б. А. Калоев стремится на конкретных примерах показать трансформацию общественных отношений осетин, их материальной и духовной культуры в условиях строительства нового общества.

Наиболее существенным недостатком разделов, освещающих коренные преобразования в экономике и культуре Северной Осетии, является, на наш взгляд, то, что автор не ставит проблемы формирования осетинской социалистической нации, хотя богатый фактический материал, приведенный Б. А. Калоевым, мог бы послужить хорошей основой для ее решения.

Есть в книге Б. А. Калоева и некоторые недостатки более частного характера.

Так, в работе часто встречаются фразы — «до присоединения Осетии к России», «после присоединения Осетии к России», но нигде автор не сообщает правильной даты этого события (1774 г.) и относит его то к середине, то к концу XVIII в.

Автор широко использует нартский эпос, исторические предания и легенды, однако, как правило, не дает ссылок на их записи. Для академического издания, каким является книга Б. А. Калоева, это упущение вызывает сожаление.

В книге сравнительно много опечаток — чаще в осетинских названиях. Но особенно досадна путаница в подписи под фотографией группы осетинских писателей 1930-х гг., помещенной на стр. 226.

В целом же, несмотря на отдельные недостатки, исследование Б. А. Калоева выполнено на высоком научном уровне и, безусловно, явится важным вкладом в советское кавказоведение.

М. М. Блиев

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Т а ш е в. *Село Петково*. София, 1966, 375 стр.

В 1966 г. в Болгарии вышла из печати книга известного родопского общественного деятеля Георгия Ташева «Село Петково», которая сразу обратила на себя внимание болгарской общественности своей необычайной искренностью, лиричностью изложения истории этого села. Объясняется это тем, что сам автор — уроженец и большой патриот села Петково.

Начало его трудовой жизни прошло в родном селе, где Г. Ташев работал сначала учителем, затем врачом. И теперь, живя в столице, доктор Ташев не порывает связей с Родопским краем, где расположено его село. Движимый любовью и уважением к своим односельчанам, он создал монографию, содержащую исключительно интересные этнографические, исторические, фольклорные сведения о материальной и духовной культуре, о быте, народных обычаях и экономической жизни, которые касаются не только его села, но и всего Родопского края.

Пишущий эти строки сам бывал в Родопах, любовался дикой красотой их гор и долин, дружил с жителями этого края, среди которых много его бывших однокашников, учившихся вместе с ним в самом начале XX века в болгарской гимназии «Д-р Петр Берон» в Адрианополе.

Этнографии и истории Родопского края посвящено несколько монографий, рассказывающих об отдельных его селениях: Манастир, Проглед, Славейно, Чепеларе<sup>1</sup>. Тем

<sup>1</sup> С. Дичев и Н. Хайтов, *Село Манастир*, Смолянско, София, 1965; «Петдесет години Проглед», под ред. П. Маринова и В. Димитрова, София, 1943; Г. Карапетков, *Славейно*. Минало, Пловдив, 1948; В. Дечев, *Миналото на Чепеларе*, I—II, София, 1928, 1936.